

Как-то он прочитал мне такие строчки:
Обжорство, пьянство и похмелье,
Греха нечистое веселье...
Связь расторгая с красотой,
Художник платит немотой.
Он звуки неба забывает,
И крылья в пугах суеты
Не достигают высоты.
Гармония в душе смолкает...

— В нашем художественном кино есть прекрасные работы, но общий уровень, безусловно, упал. Это стало ясно в Сочи.

Тогда подумалось: не слишком ли он требователен к своему бесшабашному актерскому цеху? Ведь в конце концов на этот откровенно предъявленный и какой-то очень несовременный «гамбургский счет» можно и обидеться. Что и сделали многие коллеги — причем всеерьез. Многолетние поиски актеров (а Бурляева я знаю уже не один год) «своей гармонии» и в поэзии, и в режиссуре, и на экране кое-кто посчитал просто позой на модном православном замесе.

Для меня по-прежнему эталоном в кинематографе являются два гения — Андрей Тарковский и Федерико Феллини. Ими я внутренне измеряю то, что вижу на экране. И ни одна из картин на сочинском экране не дотягивала и близко до уровня этих гениальных художников. Если это российский кинематограф, то мне очень обидно за него. Он какой-то... безродный, космополитичный, созданный двойными и тройными гражданами мира, теми, кто из Отечества глядит свысока, а на народ, как на было, которое должно дотягиваться до их уровня. Я с этой точкой не согласен в принципе — как и с царствовавшим в Сочи духом элитарной прозападной пошлой жизни и такого же кинематографа.

— Не слишком ли ты строг?
— Дело в том, что с жизнью так называемого нашего «большого кино» я порвал давно. Ушел из этого мира лет семь назад. Все эти годы почти не бывал в Доме кино — лишь пару раз зашел на заседания Актерской вильдии.

Время, кажется, рассудило иначе. Принципиально-раздражающе отказавшийся от привычных поисков «истины в вине» и в зеленых шуршащих бумажках, классическим методом проб и ошибок упорный Бурдье сегодня кажется наконец-то нашумевшим.

Николай БУРЛЯЕВ:

«Пытаюсь жить идеалами»

пал свою дорогу в искусстве. И самое удивительное — не в качестве отличного актера (его последние работы — украинская «Паутина» и белорусская «Дождливые уик-энды»), любопытного режиссера или неординарного литератора, а совсем в новой роли.

«Золотой витязь» — международный кинофестиваль славянских и православных народов — детище неумного Бурляева. За два года смотр уже перерос рамки СНГ, и его заключительный этап прошел в югославском городке Нови Сад. Оттуда вместе с моим собеседником только что вернулась представительная делегация наших кинематографистов, среди которых были В. Туров, Л. Осыка, С. Овчаров, О. Матешко, В. Гостюхин, Л. Федосеева-Шукшина... Еще свежи воспоминания, которые теперь можно сопоставить с сочинскими впечатлениями. И вполне логично завершить в Москве наш разговор, начавшийся на Открытом российском кинофестивале, куда Бурляев приезжал, по его словам, «за опытом».

— Тридцать шесть наших картин участвовало в конкурсе по пяти номинациям, — говорит Бурляев. — Всего же на «Золотом витязе» было представлено двести фильмов. И надо сказать, неинтересных работ практически не встречалось.

— А как бы ты сформулировал цель этого необычного смотра?

— Она чисто художественная — консолидация, единение творческих сил нашего православного мира. Его девиз: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека».

Именно эта «простая» задача, открытая еще тысячелетия назад, была близка художнику, перед которым я безмерно преклоняюсь, — Андрею Тарковскому. В своем последнем интервью он прямо заявил: «Цель искусства — возвышение души человека».

И мы стараемся следовать этой главной задаче. Хотя это и нелегко — объединить столь разных художников, отделить зерна от плевел. Ведь не секрет, что искусство наше крепко засорено, алкоголизировано, цинично, продажно, что мастера, илущие трудным, тернистым путем к этой главной цели, уже просто отчаялись, будучи убежденными, что их творчество, основанное на религиозных и вечных ценностях, в наше время попросту никому не нужно. Разбросанные по разным студиям, они с трудом пробиваются к экрану, а пробившись — окажется: их работы не требуются ни прокату, ни элитарной критике, которая живет по каким-то собственным законам и часто пропагандирует то, что аморально...

Мы показали, что такие работы важны и нужны, и наш Золотой витязь весомая (в прямом и переносном смысле) награда. Он, кстати, весит раз в двадцать больше, чем Оскар. И финансовая поддержка благодаря спонсорам, среди которых киноцентр «Русский фильм», Украинский фонд культуры Российский фонд мира. Кинокомитет России и другие организации, дала возможность победителям стать обладателями солидной денежной премии в один миллион рублей.

— И все-таки такое деление художников — почти по пресловутому «пятому пункту», — оно тебя не смущает?

— А тут его нет. У нас в программе участвовали и русские, и белорусы, и украинцы и греки, и казахи, и армяне, и сербы.. Фестиваль открыт всем тем, кто принимает наше Отечество, питается общей славянской культурой.

Например, первую премию «Золотого витязя» по номинации художественных фильмов завоевала лента югослава Годана Паскалевича «Танго Аргентино», третью — грека Левтериса Ксантапулоса «Мастер теней» Наш Анатолий Никитин за фильм «После войны мир» (потрясающая работа! уезз из Нови Сада «Серебрян витязь». А актеры? Лучшей актрисой признана единодушно югославка Снежана Богданович, сыгравшая в картине «Оригинальная фальсификация». А актером номер один стал Иосиф Полак из Израиля, исполнивший главную роль в украинском фильме «Изгой».

Конечно, и наши мастера оказались на высоте. Это Сергей Овчаров («Барабанида»), Николай Гусаров («Дикое поле»), Юрий Ильенко («Лебединое озеро Зона»), Евгений Дота (музыка к картине «Стаси и благословие нас, черный аист!») Владимир Кузнецов («Предчувствие»). Они стали обладателями призов и почетных дипломов Каста, в номинации видеofilмов в очередной раз подтвердил свой высокий класс Игорь Кобрин завоевавший Золотой витеяз за фильм «Чернобыль: два цвета времени».

— Эти имена, конечно, впечатляют. Но

— Мне интересно другое: как югославские зрители реагировали на фестиваль? Ходят ли вообще в кино в воюющей стране?

— Мы ехали, не скрою, с тревожными чувствами. Но там оказалось гораздо спокойнее, чем у нас. Война — это где-то совсем далеко. В Нови Саде же — гостеприимная сердечная обстановка, теплый прием наших сербских братьев, внимание и зрителей, и критики. Каждый день в теле- и радиозфир выходили передачи, посвященные программам фестивалей Встречи, обсуждения, проекты — все в прекрасном ракурсе.

— А если, к примеру, сравнить Сочи и Новый Сад, «Кинозвезда» и «Золотой ритм»...

этом алкогольном, растленном и циничном омуте. И понял, что здесь погибель. Кстати, на эту тему в Сочи был показан прекрасный фильм Олега Ковалова «Остров мертвых». Очень актуальная работа, нашей взгляд. Все то же, что было в начале века, повторяется и нынче. Та же актерская богема, те же пляски под дешевую пошлую эстраду. Те же алкогольные возлияния. А рядом войны, голод... А элита наша все пошло празднует с этими одесскими юмором без всякого намека на культуру

Все это мне не-яи-те-ресно. Уже давно. И не только мне. Я вижу печальные глаза коллег, талантливых артистов, на этих пустых и пошлых ПРОКах, которые просто неприличны своей разухабистой эстрадой, голыми девицами, песнями «под Париж». И даже очаровательный русский мальчик лет двенадцати поет именно «О Голливуд Голливуд!». Так и навязывается этот идеал: самое лучшее — там, за океаном.

— А разве не так? Что можно сказать после посещения двадцати пяти стран?

— Да, я был в Америке, в Израиле, практически на всех континентах. И могу сказать, не кривя душой: нет там правды, нет истины, в поклонении мамоне. Россия жила всегда иначе. Она поклонялась вечным христианским заповедям, но нынче отошла от этого. Пора возвращаться.

Для меня было поразительным открытием в Израиле, где я недавно общался со многими старыми приятелями... Так вот — девять человек из десяти поняли именно там, что у них была родина. Что они дети русской культуры. Что та культура, которую они отныне обречены потреблять, им чужда. Что у них есть корни, и корни эти в российской земле.

Хотя кто-то и делает вид, что все устроилось отлично, но все равно их глаза говорят больше, чем их речи. В них — невероятная, какая-то совершенно могильная тоска. Некоторые там просто сливаются и откровенно признаются, что просто мечтают вернуться на российские подмошки. Но путь уже отрезан, их квартиры здесь проданы, возвращаться некуда... Так что там я видел просто настоящие трагедии людей — и евреев, и русских, вдруг понявших, что же они натворили, поддавшись лживой информации о земле обетованной... Не для нас она, обетованная.

— Насколько я знаю, в Израиле Юрий Кара снимал библейские сцены для «Мастера и Маргариты». Ты там — Иешуа Га-Ноцри. Трудно было решиться?

— Эта тема очень тонкая, деликатная. Ну ладно...

Согласие на съемки в картине далось мне действительно очень дорого. Практически год мучился — думал, общался со священнослужителями. Ведь церковь, ты знаешь

относится к роману почти однозначно отрицательно. считает, что написан он с позиций Воланда, который там и царствует. И присутствие Иешуа Га Ноцри в романе не очень осуждено — у него там всего три сцены. После колебаний и размышлений я

— **Художественные ленты об Иисусе** —

— Я видел три картины о Христе, и ни одна не убедила меня, даже фильм Пазолини. Все равно я не верил актеру, играв-

лини. Все равно я не верил актеру, игравшему роль Иисуса Христа. Не знаю, возможно ли в принципе убедить нас в этом актеру — человеку грешному и земному. Поэтому не знаю и что удалось в итоге ка-

Поэтому не знаю, и что удалось в итоге, как
 ков будет фильм в целом, прав ли я, и
 гордыне своей захотев побороться с Волан-
 дом на его территории за те идеалы, кото-
 рыми пытаюсь жить. Это покажет экран.

— «Все впереди» — так называлась одна из твоих последних работ. Что теперь впереди?

— Подготовка к третьему «Золотому витязю», который состоится в будущем году в Минске. Ради этого отложены планы фильма о Пушкине, к которому я практически готов заняться поэзией. Надеюсь, что

чески готов, занятия поэзией. Надеюсь, что в конце концов все станет на свои места и мои дорогие коллеги вспомнят «звуки неб» и обратят взоры на всеславянский фестиваль, открытый творцам всех национальностей.

сентябрь, открытый творцам всех национальностей, где, верю, будет не менее празднично, чем на «Кинотавре», но более духовно и значит, и полезно для народа России.